18+
Андрей Толкачев
Как творить
Книга-мотиватор для прозаиков, копирайтеров, блогеров, сценаристов

Андрей Толкачев

Как творить. Книга-мотиватор для прозаиков, копирайтеров, блогеров, сценаристов

https://litres.ru/74429293
ISBN 9785007118132

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Уникальность книги. Это живой, доверительный разговор писателя с читателем, в котором автор щедро делится личными открытиями и переживаниями. На страницах книги раздаются голоса 140 писателей — от классиков XIX века до современных авторов фэнтези и детективов о том, как они работали над своими произведениями.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
СНАЧАЛА ОТВЕТИм НА ВОПРОС «КАК ТВОРИТЬ?»	8
РАЗВЯЗЫВАТЬ ИСТОРИЮ С ПЕРВОГО УЗЕЛКА, А У КАЖДОГО АВТОРА ОН СВОЙ	10
ТВОРИТЬ В СОАВТОРСТВЕ С ДОМАШНИМ БЫТОМ, КАК ДЖЕЙН ОСТИН	26
НАСТРОИТЬ ИНСТРУМЕНТ МАСТЕРА	30
ПИСАТЬ СРАЗУ И БЕСПОВОРОТНО, КАК ТОЛЬКО МЫСЛЬ ПРИШЛА В ГОЛОВУ	34
ПЛАНИРОВАТЬ И СТРУКТУРИРОВАТЬ	39
НАЧИНАТЬ С РАННЕГО УТРА	43
ДЕЛАТЬ ПЛОХОЙ ТЕКСТ	45
ВЫСЛУШИВАТЬ ПРИГОВОР БЕЛОГО ЛИСТА БУМАГИ	48
ВЫХОДИТЬ ИЗ ТУПИКА, КАК ФЕДЕРИКО ФЕЛЛИНИ	53
ВЕСТИ ЛЮБЫЕ ЗАПИСИ И КОПИТЬ ИХ, ЧТОБЫ РУКА ПО ПИСЬМУ НЕ СКУЧАЛА, А ГЛАЗ РАДОВАЛСЯ КОЛЛЕКЦИЯМ СЛОВ	56
НАБЛЮДАТЬ, КАК ЧЕХОВ	60
ВЕСТИ ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ КАК МАРК ТВЕН, ЧЕХОВ, МОЭМ	61

Как творить
Книга-мотиватор для прозаиков, копирайтеров, блогеров, сценаристов

Андрей Толкачев

© Андрей Толкачев, 2026

ISBN 978-5-0071-1813-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается Наталии, жене и бесценному другу

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это третья книга о секретах творчества в серии; она является логичным продолжением опубликованных книг «Как найти тему, чтобы завоевать читателя» и «Где автор пишет книгу».

Но, в отличие от предыдущих, мы не подглядываем в замочную скважину, — мы открываем дверь в мастерскую писателя — и приглашаем читателя посмотреть, что на самом деле происходит, когда творец остаётся один на один с самим собой и своим творением.

Чехов вынимает записную книжку и проговаривает: «Ровно сто сюжетов!»; Набоков пишет на карточках, завещая уничтожить последний роман; Джейн Остин прячет листы под вышивкой, пока в гостиной спорят о пудингах; Кафка просит все сжечь; Хемингуэй плачет над пустым листом, не в силах написать ни строчки…

Эта книга — не о том, «как надо». Она о том, «как бывает на самом деле». Никаких назиданий, никаких менторских поучений. Только живые голоса. Только факты, обрывки дневников, письма, признания, странные привычки и мучительные поиски — то, что остаётся за кулисами литературной славы.

Почему Пушкин не закончил «Дубровского»? На одном интернет-форуме читатели прислали десятки версий

продолжения «Дубровского», и каждый яростно отстаивал свою. Сколько ещё таких тайн хранят рукописи и черновики! Каждая книга — как средневековый манускрипт Джорджа Рипли: свиток длиной в несколько метров, где за каждым символом скрыта формула превращения — только не свинца в золото, а хаоса мыслей в искусство. Как «Дерево кодов» Джонатана Фоера, как гигантская «Библия дьявола» — в любом тексте спрятано в десять раз больше, чем мы способны разглядеть при первом прочтении. Будь то двадцать томов «Ругон-Маккары» или простая сказка про Колобка.

Вопрос «Как творить?» зрел во мне с того дня, как я сел за белый лист бумаги, где-то лет 50 назад. Я перечитал сотни дневников, писем, мемуаров и интервью — и вот собрал на этих страницах свои находки, — то, что сам хотел узнать, когда начинал, и то, чем хотел бы поделиться с читателем.

СНАЧАЛА ОТВЕТИм НА ВОПРОС «КАК ТВОРИТЬ?»

Как?
Просто добавляя разные слова к слову «*писать*» — мы обнаружим, как свершается творческий процесс. Ведь писать — это совершать тысячи самых разных, очень разных действий…

Писать — загадывать.
Писать — разгадывать.
Писать неразборчиво.
Писать по-хулигански.
Писать легко.
Писать просто.
Писать безобразно.
Писать по-дурацки.
Писать зрелищно.
Писать изящно.
Писать роскошно.
Писать игриво.
Писать — падать.
Писать — выползать.
Писать — раскапывать.
Писать — карабкаться.

Писать — спешить.
Писать — отчаиваться.
Писать — скрести.
Писать — освобождаться.
Писать — изливать душу.
Писать — познавать.
Писать — бить в колокол.
Писать — ругаться.

Дальше вы найдете в книге, как искать героя и подбирать сюжет.

РАЗВЯЗЫВАТЬ ИСТОРИЮ С ПЕРВОГО УЗЕЛКА, А У КАЖДОГО АВТОРА ОН СВОЙ

Порой опять гармонией упьюсь, Над вымыслом слезами обольюсь… (Александр Пушкин)

Да, но вытрем слезу, пору задаться вопросом: как начать свою историю?

Многие авторы бьются над этим. И многие, как говорят, «собаку съели». Думаю, здесь, как в лабиринте, сплошные тупики. Маргарет Митчелл перебрала 60 вариантов первой главы своего первого романа, прежде чем остановилась на одном. Это требовало от нее невероятной самоотдачи, да и потом некоторые сцены она переписывала по 4—5 раз.

1. Теперь коллекция дверей, которые авторы раскрыли в свои истории

— Обращение

— «Одиссея» Гомера начинается с классического обращения к Музе. Это древнегреческая традиция: поэт не говорит от своего имени, а просит богиню вдохновения рассказать историю. «Одиссея» начинается так: «Муза, скажи мне

о том многоопытном муже, который долго скитался…». И тут же рассказчик переносит нас на совет богов, где решается судьба Одиссея.

— Характеристика героя

— Первую строку «Эпоса о Гильгамеше» без всякого вступления и обращения к богам неизвестный автор начинает так: «Увидевший всё до края мира, познавший моря, перешедший все горы…».

— Посмотрите более современные старты.

«Эйлин — хилая бабка, синие глазки-щелочки, лицо с кулачок, космы немытых седых волос…»

Том Макинтайр «Притча»

«Круглое дружелюбное лицо, не столько загорелое, сколько покрасневшее от тропического солнца…»

Ивлин Во «Избыток терпимости»

«Марта приехала из селения Э. и была она ясновидящей…»

Туве Янссон «Серый шелк»

«В восемнадцатом столетии во Франции жил человек, принадлежавший к самым гениальным и самым отвратительным фигурам этой эпохи, столь богатой гениальными и отвратительными фигурами. О нем и пойдет речь».

Патрик Зюскинд «Парфюмер. История одного убийцы»

— Рецепт

— Роман Лауры Эскивель «Шоколад на крутом кипятке» начинается с перечня ингредиентов для сардин в томатном соусе. А далее еще и способ приготовления:

«Мелко накрошить луковицу. От себя посоветую вам положить маленький кусочек лука на темя — этим вы избежите слезотечения, которое случается всякий раз, когда начинаешь резать лук. Что касается слез, то беда не в том, что они льются, едва приступишь к резке, а в том, что иногда начнешь плакать от рези в глазах и не в силах остановиться. Не знаю, как с вами, а со мной это, по правде сказать, бывало. И не один раз. Мама говорила, потому это, что к луку я чувствительна, как Тита — моя двоюродная бабка…»

— Происшествие

— Агата Кристи «Загадочное происшествие в Стайлзе» начинает с оценки событий:

«Небывалый ажиотаж, который вызвало в свое время знаменитое „Убийство в Стайлзе“, нынче уже немного схлынул».

Надежда Тэффи в рассказе «Ревность» сразу вплетает в повествование кровавый след:

«Почти каждый день найдете вы в газетах известие о том, что кто-нибудь совершил убийство из ревности…»

— Оценка желаний и действий

«Сколь неразумны бывают и легкомысленны женские лукавые желания…»

Ф. Сологуб «Царица поцелуев»

— Диалог

— Рэй Брэдбери в моем любимом рассказе «Всё лето в один день» сразу включает диалог:

— Готовы?

— Да!

— Уже?

— Скоро!

— А ученые верно знают? Это правда будет сегодня?

— Смотри, смотри, сам видишь!

— Географические сведения

«В одной из отдаленных наших губерний находилось имение Ивана Петровича Берестова. В молодости своей служил он в гвардии, вышел в отставку в начале 1797 года, уехал в свою деревню и с тех пор оттуда не выезжал. Он был женат на бедной дворянке, которая умерла в родах, в то время как он находился в отъезжем поле. Хозяйственные упражнения скоро его утешили. Он выстроил дом по собственному плану, завел у себя суконную фабрику, утроил доходы и стал почитать себя умнейшим человеком во всем околотке, в чем и не прекословили ему соседи, приезжавшие к нему гостить с своими семействами и собаками».

Александр Пушкин «Барышня-крестьянка»

«Я очень люблю скромную жизнь тех уединенных владетелей отдаленных деревень, которых в Малороссии обыкновенно называют старосветскими, которые, как дряхлые живописные домики, хороши своею пестротою и совершенною противоположностью с новым гладеньким строением, которого стен не промыл еще дождь, крыши не покрыла зеленая плесень и лишенное щекатурки крыльцо не выказывает своих красных кирпичей».

Николай Гоголь «Старосветские помещики»

Тут и Алексей Толстой к ним присоединился.

«В Смоленском уезде, среди холмистых полей, покрытых полосами хлебов и березовыми лесками, на высоком берегу реки стояла усадьба Белый ключ, старинная вотчина князей Тулуповых. Дедовский деревянный дом, расположенный в овражке, был заколочен и запущен. Новый дом с колоннами, в греческом стиле, обращен на речку и на заречные поля. Задний фасад его уходил двумя крыльями в парк, где были и озерца, и островки, и фонтаны».

Алексей Толстой «Граф Калиостро»

Ромен Гари в «Старой-престарой истории» сразу приводит географические сведения:

«Столица Боливии Ла-Пас расположена на высоте пять тысяч метров над уровнем моря…»

— Жизненное обстоятельство

«Скарлетт О'Хара не была красавицей, но мужчины вряд

ли отдавали себе в этом отчет, если они, подобно близнецам Тарлтонам, становились жертвами ее чар».

Маргарет Митчелл «Унесенные ветром»

«Она служила горничной у его родственницы, мелкой помещицы Казаковой…»

И. Бунин «Таня»

«Жил-был в норе под землей хоббит. Не в какой-то там мерзкой грязной сырой норе, где со всех сторон торчат хвосты червей и противно пахнет плесенью, но и не в сухой песчаной голой норе, где не на что сесть и нечего съесть. Нет, нора была хоббичья, а значит — благоустроенная».

Дж. Р. Р. Толкин «Хоббит, или Туда и Обратно»

«Логен пробирался между деревьями, его босые ноги оскальзывались и проезжали по влажной земле, по грязи, по мокрым сосновым иглам; дыхание клокотало в груди, кровь гулко стучала в висках. Потом он споткнулся и растянулся на боку, едва не раскроив грудную клетку собственной секирой. Некоторое время он лежал, тяжело дыша и всматриваясь в сумрачный лес».

Джо Аберкромби «Кровь и железо»

«В тот осенний полдень 1810 года Доситей собирался подстричься ножом, глядя в перстень, в котором вместо камня было выпуклое зеркальце. Но не нашел перчатку. А голой

рукой он никогда не дотрагивался до волос. Перчатка, которую он искал, была красивой — белой на зеленой шелковой подкладке…»

Милорад Павич «Вывернутая перчатка»

«Весной 1919 года, когда Дайана Дики возвратилась из Франции, ее родители думали, что за прежние прегрешения она расплатилась полностью…». — так Ф. С. Фицджеральд в рассказе «Даймонд Дик» интригует читателя первым же предложением.

— Деньги

«Один доллар восемьдесят семь центов. Это было все. Из них шестьдесят центов монетками по одному центу…»

О« Генри «Дары Волхвов»

— Абсурд

«Царь сидел голый. Как нищий дурак на базаре, он сидел, втянув синие пупырчатые ноги, прислонясь спиной к холодной стене…»

Братья Стругацкие «Бедные злые люди»

«Шестого декабря тысяча девятьсот семьдесят третьего года, когда меня убили, мне было четырнадцать лет».

Элис Сиболд «Милые кости»

— Взрыв

— Не представляю человека, который не захочет прочесть рассказ Рэя Брэдбери «Калейдоскоп» после такого начала:

«Взрыв огромным консервным ножом вспорол корпус ракеты. Людей выбросило в космос, подобно дюжине трепещущих серебристых рыб…»

— Обращение к читателю

— Милорад Павич в произведении «Чай для двоих» сразу обращается к читателю:

«Дорогой читатель, автор советует вам не браться за этот рассказ в среду и ни в коем случае не делать этого, пока не наступил май. А лучше всего рассказ читается вечером в постели. Вы сами поймете почему. И скажу сразу — в рассказе нет героев, единственные герои — это вы, читатели…»

— Экспозиция

«Все смешалось в доме Облонских».

Лев Толстой «Анна Каренина»

«В Гороховой улице, в одном из больших домов, народонаселения которого стало бы на целый уездный город, лежал утром в постели, на своей квартире, Илья Ильич Обломов».

И. Гончаров «Обломов»

«Упершись подбородком в сложенные руки, он лежал на устилавшем землю мягком лесном ковре из бурой хвои, а высоко над его головой ветер раскачивал верхушки сосен».

Эрнест Хемингуэй «По ком звонит колокол»

«Зимой Левицкий проводил всё своё свободное время в московской квартире Данилевских».

И. Бунин «Зойка и Валерия»

— Прибытие людей, поезда

«В одиннадцатом часу вечера скорый поезд Москва — Севастополь остановился на маленькой станции за Подольском…»

И. Бунин «Руся»

«Однажды весною, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина».

Михаил Булгаков «Мастер и Маргарита»

«До отлета на Арракис оставалась только неделя, и, когда предотъездная суета стала совсем уж непереносимой, к матери Пола прибыла какая-то старая карга».

Фрэнк Герберт «Дюна»

— Пейзаж

«Было начало осени, бежал по опустевшей Волге пароход „Гончаров…“»

И. Бунин «Визитные карточки»

— Воспоминание

«А, как давно я не был там, сказал я себе. С девятнадцати лет…»

И. Бунин «Митина любовь»

«Чтобы рассказать мою историю, мне надо начать издалека. Мне следовало бы, будь это возможно, вернуться гораздо дальше назад, в самые первые годы моего детства, и еще дальше, в даль моего происхождения».

Г. Гессе «Демиан»

— Деталь

«С этой своей улыбкой, которая старше, чем она сама…»

«Она умела ответить так, как будто выстрелить из рогатки…»

М. Павич «Тунисская белая клетка в форме пагоды»

— Сравнение

«Человеческие мысли как комнаты»

М. Павич «Тунисская белая клетка в форме пагоды»

— Вывод

«Женщины — матери или жены — часто просят нас что-нибудь найти…»

М. Павич «Двери сна»

«Бесспорно, вся жизнь — это процесс постепенного распада, но самые сильные удары осознаются не сразу…»

Ф. С. Фицджеральд

«Идея вечного возвращения загадочна, и Ницше поверг ею в замешательство прочих философов: представить только, что когда-нибудь повторится все пережитое нами и что само повторение станет повторяться до бесконечности! Что хочет поведать нам этот безумный миф?»

Милан Кундера «Невыносимая легкость бытия»

— Интрига

«— Том!

Нет ответа.

— Том!

Нет ответа.

— Куда же он запропастился, этот мальчишка?.. Том!

Нет ответа».

Марк Твен «Приключения Тома Сойера»

— Ирония

«В уездном городе N было так много парикмахерских заведений и бюро похоронных процессий, что казалось, жители города рождаются лишь затем, чтобы побриться, остричься, освежить голову вежеталем и сразу же умереть».

Илья Ильф и Евгений Петров начали роман «Двенадцать

стульев»

— Откровение

«Лолита, свет моей жизни, огонь моих чресел. Грех мой, душа моя. Ло-ли-та: кончик языка совершает путь в три шажка вниз по небу, чтобы на третьем толкнуться о зубы. Ло. Ли. Та».

Владимир Набоков «Лолита»

— Глубина проблемы

«Всякий раз, просыпаясь в лесу холодной темной ночью, он первым делом тянулся к спящему у него под боком ребенку — проверить, дышит ли».

Кормак Маккарти «Дорога»

— Записка героини для автора

— Жоржи Амаду начинает книгу «Дона Флор и два её мужа» с записки к автору от героини:

«Дорогой друг Жоржи Амаду!

Если говорить откровенно, то мой пирог из маниоки не имеет определенного рецепта. О том, как его готовить, мне рассказала дона Алда, жена Ренато, который работает в музее. Однако, прежде чем я научилась выпекать его как следует, мне пришлось немало повозиться. (Впрочем, кто же научится любить, не любя, или жить, не прожив жизни?)…»

Интересно перечислить ситуации, с которых можно на-

чать роман. Не знаю, как к этому отнесется читатель. Решил поделиться, — а как отнесется — не знаю.

— Получение письма, посылки. («Тринадцатая сказка» Дианы Сеттерфилд)

— Герой в ситуации, которая его расстраивает. («Дорога» Кормака Маккарти)

— Герой в странной непонятной ситуации.

— Обнаружение неизвестного трупа.

— Смерть члена семьи.

— Начало катастрофы («Весь невидимый нам свет» Энтони Дорра).

— Последствия катастрофы («Их глаза видели бога» Зора Нил Хёрстон).

— Поцелуй.

— Представление («Заложники» Энн Пэтчетт).

— Главный герой в больнице («Закон вечности» Нодар Думбадзе, «Инферно» Дэн Браун).

— Главный герой заявляет, что он в беде («Марсианин» Энди Вейер).

— Главный герой в беде («Что есть что» Дейв Эггерс).

— Прибытие самолёта, корабля, поезда («Граф Монте-Кристо» Дюма).

— Сцена на вечеринке, в баре, в ночном клубе («Война и мир» Толстой).

— Поединок, сражение. («Чужак» Зоэ Арчер).

— Герой переезжает на новое место.

— Заявление о последствиях действий кого-то. («Одна дамочка с пистолетом» Джанет Иванович»)

— Первые строки «Одной дамочки с пистолетом»: «Существуют мужчины, которые входят в жизнь женщины и портят её безвозвратно. Со мной это проделывал Джозеф Морелли, ну, не то, чтобы окончательно и бесповоротно, но периодически».

— Драматическое происшествие в середине или конце истории. («Тайная история» Донна Тартт).

— Пролог «Тайной истории» начинается со слов: «В горах начал таять снег, а Банни не было в живых уже несколько недель, когда мы осознали всю тяжесть своего положения». Дальше автор рассказывает предысторию смерти Банни.

— Суд («Снег на кедрах» Дэвид Гутерсон).

— Главный герой знакомится с тем, кому уготована важная роль в романе. («Грозовой перевал» Эмили Бронте).

— Сцена на улице.

— Главный герой в ситуации триумфа.

— Герой одевается, бреется, красится и т. д. («Мелкий снег» Дзюнъитиро Танидзаки).

— Грандиозное счастливое событие (свадьба, выпускной и др.).

— Один герой учит другого, как что-то делать.

— Гость у двери. («Глубокий сон» Раймонд Чандлер).

— Главному герою в руки попадает важная вещь.

— Герой совершает преступление.

— Герой или группа людей выполняют задание. («Наш общий друг» Чарльз Диккенс).

Любительница придумывать всяческие писательские штучки и публиковать их в книге, которая начинается со слова «искусство», Айн Рэнд считает, что чем сложнее ситуация для героя, тем лучше для сюжета. Подробнее в книге «Искусство беллетристики. Руководство для писателей и читателей».

Герой должен погрузиться в пучину дрязг и бедствий и всплыть во что бы то ни стало, и читатель будет ваш, и более того, простит корявость языка, ну бывает же!

И вот Янн Мартел думает, а чем черт не шутит, и засаживает к юноше в лодку посреди океана бенгальского тигра, не ежика, не кота, а тигра. А Ричард Мэтисон? Герой романа «Я — легенда» в единственном числе представляет все человечество, если кто сюда залетит.

Так в чем же важность того, как ты начнешь свой роман?

А вот! Попробуем раскрыть идею начала через метафору, и все поймем.

Лев Толстой начинал с первого шага — его эпопея подобна долгому пути, и первый шаг должен быть твёрдым и уверенным.

Фрэнсис Скотт Фицджеральд начинал с первой ноты — чтобы разыграть симфонию «Великого Гэтсби».

Фёдор Достоевский начинал с первого стона, который вырывался из будущего сюжета, где все наполнено болью и от-

чаянием.

Джордж Оруэлл начинал с первой тени — его мир мрачен и тоталитарен.

Джейн Остин начинала с первого взгляда — её романы о чувствах и социальных условностях, и первый взгляд между героями решает всё.

ТВОРИТЬ В СОАВТОРСТВЕ С ДОМАШНИМ БЫТОМ, КАК ДЖЕЙН ОСТИН

Жарко от горячего турецкого солнца…, — я слушаю цикад, жду приближение заката, смотрю на грейпфрут (он созрел и висеть на ветке ему надоело), и пишу о Джейн Остин, об удивительной гармонии Джейн Остин с домашним бытом.

Сергей Параджанов не видел вообще никакого быта, любое пространство комнаты превращалось в мастерскую, — каждую вещицу, как уличную сироту, он мог пристроить в гостеприимный дом своего шедевра. А вот способ писательства Джейн Остин выглядит наоборот: она как бы просится в гости к каждой вещице, она и работает в каждом уголке дома с таким удовольствием.

Ведь в начале XIX века просвещенным светлым умам еще не приходило в голову, что у женщины может быть кабинет. Даже в обеспеченных семьях, после смерти хозяина дома, кабинет его зачастую пустовал. Личный кабинет никак не фигурировал в мечтах просвещенных дам. К тому же писание романов считалось «милым женским развлечением», спасающим от безделия. Они считали, что их писанина завянет, как нефролепис от солнца. Но не так думала эта миниатюрная леди, с локонами у висков, глазами, полными огня, и

насмешливым взглядом. Пусть кто-то говорит: «Некрасивая старая дева» — ему не дано знать, что она замужем за Бессмертием: ее книги будут издаваться в веке 21-м куда больше, чем в веке 19-м.

Знала она об этом или нет… Но она поступила просто, — превратилась в шпионку собственного дома, устроившись на диванчике перед милой беседой, или с книжкой в руках, или так просто устроившись на любом из стульев, — она писала у окна в гостиной, на скамье в саду или за кухонным столом. Без разницы где. Ее творческий процесс не был окружен ореолом вдохновенного уединения — это была каждодневная ремесленная работа, встроенная в рутину.

Любое затворничество в отдельной комнате с бумагой и пером воспринималось бы семьей решительно негативно. Женщина обижена, больна или сошла с ума. А так — она как будто ведет себя как все, да и другой раз листок легко прикрыть узором для вышивки, если ворвется тетя с бесконечными расспросами! Джейн выбирает небольшие листы бумаги, которые легко можно спрятать.

…Джейн ловит нюансы поведения, считывает архитектуру поступка, вникает в диалоги, снимает как скорлупу с яйца характер, отыскивает изюминку абсурда — сколько чудесных мелочей человеческого существования можно вплести в романы. «Эмма» или «Доводы рассудка» — это отчеты ее «кухонной разведки». Страницы будущего бестселлера с миллионными тиражами могут оказаться и под кухонной

салфеткой, но лишь на миг, потом они улягутся в ровную стопку листов.

Она не занималась варевом обеда, это делали служанки, она правила главу «Нортенгерского аббатства» и обсуждала с сестрой меню ужина.

Ее парадигма: не прятаться от быта, а превращать его в искусство. Поступок, жест, мнение, пересуд, прогулка или путешествие, чаепитие, даже вздох открывали простор ее мыслям. Она удивительно легко могла растаять в атмосфере дома, чтобы улыбнуться между строк романа, где особенно филигранны заглавные буквы «D» и «W» с завитушками, как у нее на висках.

Ей приходилось балансировать между обязанностями дочери, сестры и хозяйки дома и тем миром, где она была на самом деле: внутренним миром великого прозаика, где рождались «Гордость и предубеждение», «Чувство и чувствительность», «Эмма».

Шум семейной жизни не мешал ей, а был той звуковой дорожкой, под которую начинался текст, — в ее книгах так много ярких диалогов, остроумных реплик и точно подмеченных бытовых сцен именно потому, что она тонко наблюдала и подмечала любое шевеление ресниц. Тонкая ценительница малых радостей жизни. Как это не сходится с ее портретами, которые делают ее, красивую, изящную женщину какой-то самодовольной помещицей в чепце. На портретах она хуже, чем в жизни. Не редкий случай для того вре-

мени.

Она записывала, зачеркивала, переписывала, редактировала, шлифовала фразы, сидя за тем же столом, где чуть позже раскладывали посуду для семейного ужина и собирали крошки хлеба. И среди крошек хлеба и женских сплетен выковались характеры мистера Дарси и Элизабет Беннет.

И в этом есть особая прелесть: ее гений не требовал величественных мраморных залов, где звук твоих каблуков улетает в небеса, многообещающей тишины пахучих фолиантов библиотек и массивного письменного стола из махагони. Нет, — ее гений выглядывал из-за чашки чая, угадывался в легком смехе, скрывался в шорохе платья, звенел вместе с ножами на кухне. Она интуитивно знала: увидев великое в малом, превратив повседневность в литературу, она всегда будет желанна для интеллектуалок любого времени.

Ирония в том, что место, где острым ножом резали мясо и овощи, Джейн не менее острым пером резала своей правдой тогдашнее общество. Благодаря старому кухонному ножу миллионы читательниц получают в ее романах то, чего им недостает.

А еще есть армия сегодняшних фрилансеров, они являются продолжателями замечательного почина Джейн Остин, которая первой придумала не надувать щеки, не раскрывать жабры, не ходить в мебельный магазин, когда хочешь что-нибудь написать.

НАСТРОИТЬ ИНСТРУМЕНТ МАСТЕРА

«Моцарт на старенькой скрипке играет, Моцарт играет, а скрипка поет…» (Булат Окуджава)

«Обыкновенные арфы звучат в любой руке; эоловы арфы — лишь тогда, когда по их струнам ударяет буря.» (Карл Маркс)

Художник — это всегда частичка Моцарта. А вы не знали? Его будоражат замыслы. Он перебирает их дрожащей рукой, они ускользают, тают в тумане. Он в поиске, непостоянен, уязвим, потому что парит. А парит как птица, дабы звонко удариться, падая с неба о камень, и звук будет лететь через поколения, и становиться все отчетливее, все величественней. Звук рождает бурю чувств, а если у тебя в руках ручка и листок бумаги, ты властен что-то сказать. Смотрю на ветер, бестолково гоняющий газеты с буквами и фото по бульвару. А вдруг это чья-то мысль и чей-то инструмент? Тогда он выразит страсть и наполнит сосуды произведения содержанием.

И вот, чтобы ни творилось вокруг — надо раскрыть черную ткань над набором инструментов, отмытых в бензине от густых машинных масел… В старом гараже, где по-старому

пахнет солидолом.

«Пишите даже тогда, когда мир погружен в хаос. Вам не нужны сигареты, тишина, музыка, удобное кресло или внутренний покой, чтобы писать. Все, что вам нужно, это 10 минут и любое писательское орудие труда».

Кори Доктороу, канадский журналист, блогер и писатель

Как я себе говорю (правда, под музыку Грига в наушниках):

— Надо рассмешить троллей своей игрой на флейте летним днем, у старого пня.

И только…, — добавляю я.

«…Не оставляйте стараний, маэстро,

Не убирайте ладони со лба», — добавляет Булат Окуджава.

Кроме неба, где ты парил, есть еще океанариум, куда тебя запустили подкормить акул. Акулы — это легенды о твоей никчемности, писательской профнепригодности, кто их придумал? Не задумывался. Предполагаю, конкуренты. Сначала они охраняют стены своих шаблонов — ты без устали штурмуешь их бастионы, ловко жонглируя своей авторской шпагой, и когда ты встаешь перед ними аки «лист перед травой» — они делают вид, что тебя не существует — ты уже водружаешь свой флаг — они смеются над тобой… Ночь, улица, фонарь… — ты идешь пристыженный домой, заправив шарфик, но помятый, и коришь себя за каждый исписанный лист бумаги. Чтобы спастись от них, один странный

человек, почти пятьсот лет назад, задумал совместить смех и творчество и написать пародию. Она спасла его, — Франсуа Рабле. Это его Ноев ковчег, куда приплывет лодка — там и Арарат. Из романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» вышла феерия шуток. То оказалась еще дама, — она не знает, что такое возраст.

В это холодное снежное утро 21 ноября, когда я редактирую свою рукопись, попробую спросить у своей ручки:

— Как дела?

Она мне не ответит. У Демосфена не было ручки, но были камни, они наверняка научили его говорить, эти филигранные инструменты.

Когда-то А. Бурдель сказал о скульпторе: «Он должен мыслить в камне, бронзе, дереве, одним словом, в том материале, которому его мысль должна дать форму». Ведь когда ты держишь в руках молоток — хочется забить гвоздь, когда схватил мяч — стремишься его бросить, когда ты писатель: «бумага просится к перу, перо к бумаге».

Любимый инструмент просто принуждает нас к новым творениям и свершениям. Прикоснись, возьми любой предмет и раскрой, чему ты у него научился, и опиши в блокноте. И тебе приснится сон, как ты сидишь у окна, выходящего в сад, и стекла нет в раме. И ты в саду и сад в тебе. Ты в творчестве, потому как творчество в тебе.

Только набор инструментов у всех разный. Там разные сочетания. И здесь надо быть верным своему сочетанию, как

своему созвездию. Журналист Мэрин Маккенна это называет «Найти организационную схему для заметок и материалов».

ПИСАТЬ СРАЗУ И БЕСПОВОРОТНО, КАК ТОЛЬКО МЫСЛЬ ПРИШЛА В ГОЛОВУ

Жизнь принадлежит мне, но я не автор, пока не написал о своей жизни, пока не разбил сосуд, не выплеснул воду и не построил мост между собой и историей на бумаге.

1. Не размышлять, не сомневаться, а сразу делать

Представьте, что вы себя уже съели вопросами: «Почему я это не сказал? Почему здесь промолчал? Почему не подошел? Почему не могу дописать какой-то маленький рассказ? Почему, почему, почему?»

Но входит в комнату Стивен Прессфилд, американский сценарист и писатель:

«Чем больше мы ходим вокруг да около, пока не „станем готовы“, тем больше времени и возможностей мы забираем у самих себя. Наше внутреннее Сопротивление любит, когда мы медлим, когда мы излишне готовимся. Ответ: броситься вперед».

А еще я слышу Рея Брэдбери. Он говорит:

«Не думайте. Размышления — враг вдохновения. Вы не можете пробовать делать что-то. Вы просто должны делать что-либо».

И ему отвечает «современная Агата Кристи» Филлис Дороти Джеймс:

«Не нужно планировать — нужно просто писать. Все дело только в том, чтобы писать, а не мечтать об этом. Только так мы развиваем свой собственный стиль».

В 1868 году у Эмиля Золя возникла идея написания серии романов, которые были бы посвящены одной семье — Ругон-Маккарам. Судьбы этих людей исследовали уже несколько поколений. Первые книги из серии не очень заинтересовали читателей, лишь 7-й том «Западня» сорвал финишную ленточку успеха. И всего их получилось 20.

2. А теперь поговорим о Саре Джанет Маас

Как много мы читаем авторов фэнтези, и как мало знаем об их жизни, зачастую останавливаясь на именах Джон Р. Р. Толкин («Властелин колец») и Клайв С. Льюис («Хроники Нарнии»).

Хотя некоторые из них уже с юного возраста наделали шума и дают жару тем, кто постарше. Давайте не забывать, что фэнтези не спешит объяснить мир, в котором происходит виртуозное действо сюжета, да и в отличие от научной фантастики, волшебство и другие чудеса здесь такие же законы, как, скажем, законы природы.

Весной 1986 года Сара родилась в Нью-Йорке. Впечатления детства у нее из Верхнего Вест-Сайда, это элитный район Манхэттена. Девочка часто хаживала в огромные музеи

естественных наук, да еще в театр и оперу. Свой первый роман «Стеклянный трон», поначалу названный «Стеклянная королева», Маас начала писать в 16 лет. И сразу с импровизации. Она взяла любимую сказку про Золушку и задала вопрос: «А если?»

Итак. А если Золушка поехала на бал не просто встретиться с принцем, а убить его?

А как хороши ее аналогии.

«Сражение на мечах сродни танцам. И в танцах, и в поединке за одними движениями обязательно должны следовать другие, иначе собьешься. Но если, танцуя, можно весело болтать с партнером и успевать оглядываться по сторонам, здесь ты молча следишь за его мечом, забыв про окружающий мир» («Стеклянный трон»).

И вот эта юная особа в 2002 году стала размещать главы рукописи на сайте для начинающих авторов. Множество положительных откликов посыпалось на дебютантку. Не сомневаюсь, она наверняка успела в своем колледже прочитать томик Пушкина, где:

«…не дорожи любовию народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной:
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм».

А потому с завидной усидчивостью дожала историю до конца, и спустя шесть лет, в 2008 году, роман стал самым

читаемым произведением за всю историю сайта. В 2012 году роман вышел в печать в издательстве Bloomsbury, положив начало одноименной серии.

Для сравнения первая публикация у Толкина состоялась, когда ему стукнуло 45, это был «Хоббит».

Но какова наша юная сказочница! В 2008 она — отличница Hamilton College, где обучалась… писательскому мастерству (!) у преподавателей и изучала религиоведение, популярность ее никак не сбила с пути.

«Чувство открытия — вот почему я так люблю писать», — признается Маас в интервью.

И сегодня имя Сара Джанет Маас стоит на обложках целой дюжины романов-фэнтези.

«Трон из Стекла», «Корона Полуночи», «Клинок Убийцы», «Наследница Огня», «Королева Теней», «Империя Бурь», «Башня Рассвета», «Королевство Пепла».

Мне нравится по стилю «Корона полуночи».

А как она пишет про любовь!

«Вопрос не в том, любит ли он тебя. Вопрос — насколько. Отвечу: избыточно. Любовь в таких дозах становится ядом» (из книги «Королевство гнева и тумана»).

3. Как я пишу?

Беру серию случайно выбранных фотографий одного фотографа. Превращаю их в сюжет.

Говорю себе:

«А теперь запиши-ка шуточный сюжетец, чтобы каждое слово было кубиком в твоем игрушечном доме, чтобы там не было ненужных, вязких выяснений, угрызений совести и поеданий себя — история складывается как детский домик из кубиков, по простым законам, в своем звучании».

Я стал складывать домики сотен и тысяч своих произведений на самые разные темы, не задумываясь, как ребенок, что сейчас в окно выглянет мама и скажет: «Домой!» Домой, из мира воображения. Как поздно до меня это дошло, достучалось… Мне 51, пока допишу, будет 52. Как поздно! Сколько историй и персонажей из жизни рассыпалось в небытии. Упустил редчайшие возможности. Сколько рукописей отправил редакторам. Сколько книг прошли мимо меня и мне их не догнать. Вы не знали, у книг есть ноги.

ПЛАНИРОВАТЬ И СТРУКТУРИРОВАТЬ

1. Выстраивание структуры

«Отшлифуйте ваш план, а затем вцепитесь в него как в спасательный трос. Подгоняйте его по мере работы, но не пытайтесь просто писать как бог на душу положит: думайте о правильной структуре и пишите по ней. Ваш план проведет вас через те моменты, когда вы даже представить себе не можете, что когда-нибудь закончите этот проклятый текст. План позволит вам увидеть текст как последовательность управляемых наборов по 1000 слов каждый».

Билл Уосик, старший редактор журнала Wired

Случай Роберта Ирвина Говарда, который открыл и не закончил многие свои циклы («Конан», «Кулл», «Соломон Кейн») из-за самоубийства в возрасте 30 лет, говорит, что перебор с планами имеет негативную сторону. Кстати, продолжения выпускались уже другими авторами по черновикам.

У Флобера как получилось: он умер, так и не дописав «Бувар и Пекюше». В конце романа традиционно печатают фрагмент подробного плана, из которого ясны дальнейшие события.

2. Ежедневное написание №-го количества слов

«Воспринимайте написание текстов как работу. Будьте дисциплинированы. У множества писателей на этой почве случается обсессивно-компульсивное расстройство. Широко известно, что Грэм Грин ежедневно писал 500 слов в день. Джин Плейди управлялась с 5000 до ланча, а затем проводила вторую половину дня за ответами на послания поклонников. Мой минимум — 1000 слов в день. Порой это очень просто, а порой я, честно говоря, сижу как кусок дерьма. Но заставляю себя сидеть за столом до тех пор, пока не напишу своей нормы, потому что знаю, что так я потихоньку создаю свою книгу. Эти 1000 слов с легкостью могут оказаться мусором — часто так и получается — но потом всегда легко вернуться к уже написанным словам-мусору и исправить их на хорошие».

Сара Уотерс, британская писательница

Моэм сравнивает привычку писать с привычкой пить. Обе легко приобрести и от обеих сложно избавиться. Первые фразы Моэм придумывает, лежа в ванне. Дневная норма — полторы тысячи слов.

Хемингуэй заполняет свой листок мотиваторов и вешает его над рабочим столом. Кошки одобряют его поступок. Он работает стоя, расположив листы на уровне груди. Сначала сделает записи рукой, а потом, набросав основные мысли, принимался стучать по клавишам печатной машинки. Если же текст пойдет легко, папа Хэм начнет сразу же печатать. В качестве подставки под машинку он использует толстые

книги.

3. Определение времени

Эстер Фройд, британская писательница, предостерегает:

«Выясните, в какое время дня вам лучше всего пишется, и пишите. Не позволяйте вторгаться в это время чему бы то ни было еще. И потом вас не будет волновать, что в вашей кухне бардак».

4. Заполнение карточек с фрагментами романа

Владимир Набоков набрасывает фрагменты будущего романа на карточках, складывает их в длинный ящик для каталогов. Из таких фрагментов — страницы и главы книги. Таким образом, рукопись и рабочий стол умещаются в коробке.

5. Пишите, как Олеша, хотя бы строчку в день

Как работает Юрий Олеша?

«Однажды я как-то по-особенному прислушался к старинному изречению о том, что ни одного дня не может быть у писателя без того, чтобы не написать хоть строчку. Я решил начать придерживаться этого правила и тут же написал эту первую «строчку».

Юрий Олеша

Писать каждый день — это как читать молитву. Если сегодня не напишешь — почувствуешь пустоту, — и сожаление уходящего дня. Он, уходящий день, напрасно приходил, напрасно доверился тебе, напрасно приносил надежду.

Пишешь на карнизах книжных страниц, в узком коридоре блокнотов, на подоконниках комнат упрятанных историй, —

все записи, даже едва различимые, даже карандашом, живут своей особой жизнью, без тебя. Только не забывай о них — заглядывай к ним в гости, пока еще можно что-то внести, изменить, да на худой конец поправить…

Работая со своими записями, доводишь их до того состояния, когда они сами напоминают о себе: приобретают голос и зовут. А вот забросить их — это непоправимо.

Пройдут дни, за днями годы — и невозможно исправить даже черновую запись — она застывает как вулканическая лава, что вылилась когда-то из тебя. Да, тогда ты был вулканом, извергающим потоки мыслей. А сейчас ты простой нищий, каким тебя когда-то изобразил Чарли Чаплин.

Юрий Олеша умер в нищете. Сколько гениев в области искусства и литературы умерло в нищете. Моцарт, Бетховен, Эдгар По, Верлен, Ван Гог, Данте, Уайльд.

«Странно, — пишет Ю. Олеша. — Гений тотчас же вступает в разлад с имущественной стороной жизни. По всей видимости, одержимость ни на секунду не отпускает ни душу, ни ум художника — у него нет свободных, так сказать, ибо души, которые он поставил бы на службу житейскому».

Вы скажете: «К черту план!» Н. В. Гоголь из трех томов «Мертвых душ» написал один. Второй был брошен в топку, до третьего руки не дошли. От второго тома изрядный объём текста сохранился, а у третьего тома известна идея. Но чем план помог? Ничем! А вдруг тот план воодушевлял писателя дописать первый том? А? То-то же!

НАЧИНАТЬ С РАННЕГО УТРА

«Когда я настроен написать рассказ, я просыпаюсь в 4 утра и работаю 5—6 часов. Днем я бегу около 10 км или проплываю 1,5 км (или все вместе), затем немного читаю, слушаю музыку. Я ложусь спать в 9 вечера. …Повторяемость сама по себе — важная штука; это некая форма гипноза. Я гипнотизирую себя, чтобы достичь более глубокого состояния души» (Харуки Мураками).

Эрнест Хэмингуэй и Владимир Набоков — в 6 утра, за письменный стол. Мильтон, Россини, Лейбниц, Кант, Декарт, Бальзак, Пруст — уже пишут, не вставая с постели. За окном Бернард Шоу спешит на пригородный поезд, по узкой дорожке, с блокнотом. А Жорж Санд, Байрон, Достоевский и Андреев? Эти «вампиры человеческих чувств» — они ждут ночи. Ждут, чтобы там, в темноте, под тусклое свечение фонарей в окне, под скрип старых половиц, особенно пронзительный ночью, написать или продиктовать свои истории, мотыльками летящие к столу, нагретому теплым светом, где под усердной рукой секретаря появляются буквы и плывут по строчкам в коллекции томов. Лишь Фицджеральд этой ночью кутит в баре, хотя его талант… Ну хватит подглядывать! Что-то заболтался я.

Работать с раннего утра до полудня — это сверхзадача Хе-

мингуэя, работать, стоя возле полки. На полке стояла печатная машинка, на машинке лежала деревянная доска, выстеленная листами для печати. Исписав карандашом все листы, он снимал доску и перепечатывал написанное. Каждый день он подсчитывал количество написанных слов и строил график.

Для своего героя я бы, пожалуй, придумал такой момент.

Он решил остановить мгновение одной улыбки. Улыбка человека, направленная ко мне, — это подарок. Состоящий из 1000 знаков. Уверен, что каждый, кто приступит к подобному замыслу, найдет свою тысячу знаков.

У Джулии Кэмерон в книге «Путь художника» есть понятие «утренние страницы» — другие авторы могут подхватить эстафету, написать зимние страницы, вечерние страницы, курортные страницы, турецкие страницы и т. д.

ДЕЛАТЬ ПЛОХОЙ ТЕКСТ

Не надо бояться тяжёлой задачи,
а надо бояться дешёвой удачи.
Не надо бояться быть честным и битым,
а надо бояться быть лживым и сытым!
Умейте всем страхам в лицо рассмеяться, —
лишь собственной трусости надо бояться!
(Евгений Евтушенко)

1. Саморазоблачение

Вы написали. Текст под рукой. Ба! Что за говно я написал?

Не убегайте! Пишите дальше. Вы выплеснете эти помои и на дне ведра найдете потерянное колечко или сережку.

Дженнифер Иган, американская писательница, лауреат Пулитцера 2011 года, настаивает:> «Будьте готовы писать действительно плохо. Вам не станет от этого больно. Я думаю, что страх писать плохо происходит от мыслей вроде „Эта гадость выходит из меня…“ Забудьте! Пусть оно вытечет из вас, и хорошие тексты последуют за плохими. Для меня плохое начало — это просто фундамент. Вы должны дать себе разрешение делать именно так, потому что вы не можете ожидать от себя, что вы будете писать постоянно и всегда хорошо. Но люди обзаводятся привычкой ждать нужного момента, и вот откуда, как мне кажется, появляется писательский блок. Пусть будет так: „Не получается. Что ж, мо-

жет быть, хорошо писать и не получается, но пусть получится немного плохо…“ Когда я писала „The Keep“, текст был настолько ужасным. Он был божественно ужасным. Рабочим названием чернового варианта было „Плохой рассказ“».

Заметьте, Дженнифер — женщина не робкого десятка, она не остановилась, схватившись в ужасе за голову. Оно и верно. Не нужно оглядываться и тормозить. Выплескиваем все без остатка.

«Не оглядывайтесь до тех пор, пока вы не напишете весь черновик. Просто начинайте каждый день с последнего предложения, которое вы написали накануне. Это не допускает появления того отвратительного чувства досады и означает, что вы получите существенный каркас, прежде чем спуститесь с небес на землю, к настоящей работе, в которой и заключается все… Редактирование».

Уилл Селф, английский писатель и журналист

После «плохо» будет «хорошо». Тексты из-под моей руки, которые мне неожиданно понравились, все выскочили как чертики из табакерки после бесконечной будничной возни с «банальщиной».

А пока можете опубликовать свой плохой текст!

2. Писательское шутовство

Обязательно нужно печатать любую писанину, если ее печатают.

Мы, конечно, стесняемся. Зачем и кто ты? Ты разве писа-

тель? Зачем тебе печатать?

Перевод текста в печатные буквы — это не трансформация букв, это трансформация стиля. Буквы, слова, связки становятся другими. Печатный текст задает свои правила игры.

Первой работой Жюля Верна была пьеса «Сломанные соломинки». Она была поставлена в известном театре Истории. Однако Жюль Верн вскоре понял, что драматургия — это не его и она не приносит прибыли. И что вы думаете, закинул это дело? Черта с два!

Самые первые произведения Гончарова были опубликованы анонимно. В журнале «Подснежник» Майкова писатель опубликовал несколько своих сочинений на романтическую тему. Однако после этого он передумал двигаться в этом направлении.

Это были слабые вещи — писатели знали об этом. А что они написали после — вы знаете.

ВЫСЛУШИВАТЬ ПРИГОВОР БЕЛОГО ЛИСТА БУМАГИ

«Весь день Кен Харрис просидел над пустой страницей, заправленной в пишущую машинку…»
Карсон Маккалерс «Кто увидел ветер»

1.

Легенда или быль, говорят, Эдгар По часами напролет мог сидеть за письменным столом и молча смотреть на лежащий перед ним чистый лист бумаги. Каждый писатель приходит к черте приговора белого листа. Кто зачитает его, и когда, и где…? Неважно, это произойдет как в кафкианском «Процессе»: тебя приговорили и делай что хочешь, и бесполезны апелляции.

Харуки Мураками пишет о Чандлере:> «Великий писатель-мистик Реймонд Чандлер как-то признался в частной переписке, что даже если он ничего не пишет, он все равно сидит за столом каждый день и концентрируется. Я понимаю стремление, которое стоит за этим. Таким способом Чандлер работал над физической выносливостью, которая так необходима профессиональному писателю, и над силой воли. Подобные ежедневные тренировки были жизненно важны для него».

Когда Бернарда Шоу журналисты спросили, какую книгу

он бы взял на необитаемый остров, — «С пустыми страницами» — услышали они ответ. Как много чести листку бумаги! Ведь битвы с этим белым чудовищем писатель чаще проигрывает, чем выигрывает, даже готов состязаться с ним на необитаемом острове под носом океана.

2.

Теперь немного о Хемингуэе.

Печатная машинка, ручка, листок бумаги — это было его оружием в неиссякаемой борьбе с тучами тьмы, лжи, лицемерия, предательства, серости, жестокости и несправедливости. И это право у него беззастенчиво отняли, причем самым изощренным способом — его стали лечить в психиатрической клинике. И тогда на помощь к Хемингуэю пришли враги, что жили в его романах. То, против чего он бился, теперь давало ему силы для новых шедевров. Но «линия фронта» стерлась, перемешалось все и в голове, и в романах. «Линия фронта» исчезла — и испарился гений — остался уставший от жизни старик с безудержной любовью к написанию строк…. В психиатрической клинике, после пятнадцати сеансов электросудорожной терапии, он частично утратил память, способность формулировать мысли. И тогда его пытки над собой, пытки творчеством стали непереносимым испытанием. Его предали все — не предало любимое ружье, оно исполнило его волю вскоре после выписки, в июле 1961 года.

Он садился за письменный стол и лил слезы на пустой

лист бумаги. Не в силах написать ни единой строчки…

Я думаю, зная об этом, Джойс Кэрол Оутс, автор 50 романов, трижды номинант на Пулитцера, писала:> «Я силой заставляла себя начинать писать, когда была абсолютно измучена, когда я чувствовала, что моя душа так же тонка, как игральная карта, когда ничего не казалось мне стоящим моего терпения еще на пять минут… и иногда моя писательская активность меняла все. Ну или так казалось».

А Хемингуэй, пережив пять войн, четыре автомобильные аварии, две авиакатастрофы и миллионы душевных потрясений, вдруг обнаружил ахиллесову пяту — катастрофу писательского дарования… Избавить его от этой трагедии мог только выстрел.

Это вне плана, висевшего над его столом. Да, такой регламент событий не висел над его письменным столом… Его придумала жизнь. Хемингуэй удивлял своей жизнью не только современников, но и, пожалуй, своих героев. Удивил и смертью.

Пройдут десятки лет, а там и сотни, и про него с уверенностью будут говорить: страдал от алкогольной зависимости, биполярного психоза, травматического повреждения мозга, нарциссического расстройства личности. Хотя слежка ФБР, про которую он говорил, оказалась не паранойей, а правдой.

Филологи, как белки, будут прыгать с ветки на ветку, с ветки смысла его романов — на ветку причины его гибели. Читатели вырежут его журнальные фото и уложат в свои пап-

ки с газетными вырезками. Но никто не пожалеет его старика, притащившего скелет вместо рыбы. А он так хотел, чтобы не искали дополнительного смысла в его произведениях.

Почему он подвергал себя этому, когда садился за письменный стол и лил слезы на пустой лист бумаги? Разве только из-за того, что не мог написать ни строчки?

И как понять слова Хемингуэя: «Писать надо о том, что знаешь, но писать так, словно открываешь это впервые».

3.

Как исповедоваться перед листом бумаги

Лист бумаги для Хемингуэя как исповедник. И он пишет только правду или ничего.> «Если писатель хорошо знает то, о чем он пишет, он может опустить многое из того, что знает, и, если он пишет правдиво, читатель почувствует все опущенное так же сильно, как если бы писатель сказал об этом. Величавость движения айсберга в том, что он только на одну восьмую возвышается над поверхностью воды».

Наша современница Джулия Кэмерон написала книги «Путь художника» и «Право писать», где протестует против того, как люди бесцельно губят свой талант просто потому, что не искренни сами с собой. А вот способ достучаться очень простой, и в то же время необычный. Она обсуждает проблемы вдохновения и творчества на своем примере. Книгу «Путь художника» она впервые опубликовала за свой счет, и все пошло. Ну почти все…

Если заглянуть в ее творческую лабораторию — мы увидим, как Джулия повесила у себя в кабинете «Доску позора», чтобы вешать листки, несущие всякие проблемы и проблемки. Что в этих списках творится — моего воображения не хватает. Прикрепила листок своих маленьких слабостей — регулярных микро-рекламаций. «Доска позора» — представляю ее в виде куска дерева, отколовшегося во время шторма от мачты корабля. Поболтается на волнах, доплывет до берега и раскроет тайну твоего творческого шторма.

4.

Как раскрыть свои секреты

Люди просто обожают секреты, тайны, загадки. Но будни как ластиком по бумаге стирают острые контрасты неизведанного. Играя на человеческом любопытстве, наши истории гуляют по бумаге — мы авторы собственной жизни и пора нам в дорогу, иначе поезд тронется с перрона без нас, а в нем уедет наша история.

ВЫХОДИТЬ ИЗ ТУПИКА, КАК ФЕДЕРИКО ФЕЛЛИНИ

«Если вы зашли в тупик, отойдите от стола. Пройдитесь, примите ванну, поспите, испеките пирог, порисуйте, послушайте музыку, помедитируйте, сделайте зарядку. Что бы вы ни делали, не сидите там, хмурясь над проблемой. Но не звоните никому и не отправляйтесь на вечеринку. Если вы это сделаете, слова других людей заполнят то место, где должны быть ваши заблудившиеся слова. Откройте для них проход, создайте место. Будьте терпеливы».

Хилари Мантел, британская писательница и критик, лауреат «Мужского Букера»

1. Работа над фильмом «Восемь с половиной» превратилась в методику выхода из творческого кризиса

С Федерико Феллини произошел такой случай. Он собрался писать сценарий и попал в глубокий творческий кризис. Представьте себе — вы едете купаться на пляж и попадаете в снежный буран. Что-то вроде этого.

Он хотел отказаться от проекта и даже начал писать покаянное письмо продюсеру, но в этот момент технические сотрудники студии пригласили его отметить начало работы над новым фильмом. Феллини понял, что не сможет оста-

вить людей без работы, и решил провести психоаналитический сеанс — сделать фильм о самом себе — режиссере, который хочет снять фильм, но не может выйти из творческого тупика. Получился сценарий фильма «Восемь с половиной».

Главный герой — режиссер Гвидо Ансельми (снова Марчелло Мастроянни) — перед съемками едет на курорт, чтобы поработать над сценарием. Но вместо уединения его ждет вихрь всплывающих и исчезающих образов — актеры, их агенты, старые друзья, коллеги, жена, любовница, мать, давно умерший отец. Гвидо, а вслед за ним и зритель перестает видеть грань между реальностью и иллюзией: Феллини делает переходы между реальным и ирреальным почти неразличимыми. По сути, зритель оказывается у героя в голове, а на экран выплескивается поток сознания режиссера. Этот эстетический эксперимент перевернул представления о возможностях кинематографа.

2. И еще!

«В процессе работа очень быстро дичает. Она очень быстро приходит в дикое состояние… это лев, набирающий силу. Вы должны ежедневно наносить ему визиты и каждый раз заново подтверждать свое превосходство над ним. Если вы пропустите день, вы справедливо будете бояться открывать дверь в его вольер. Смело войдите туда и крикните „Симба!“»

Энни Диллард, американская писательница, лауреат Пулитцеровской премии

Пропустишь денек — и этот лев тебя сожрет. Да уж!

ВЕСТИ ЛЮБЫЕ ЗАПИСИ И КОПИТЬ ИХ, ЧТОБЫ РУКА ПО ПИСЬМУ НЕ СКУЧАЛА, А ГЛАЗ РАДОВАЛСЯ КОЛЛЕКЦИЯМ СЛОВ

Подход к работе с текстом для меня имеет ряд принципов.

1. Начинать независимо ни от чего

65 — возраст Лоры Инглз Уайлдер, опубликовавшей свою первую книжку, повесть «Маленький домик в Больших Лесах» — о жизни двух маленьких девочек — Мэри и Лоры и о приключениях их отца, деда и прадеда — охотников и фермеров — в дремучих лесах штата Висконсин.

После выхода небольшая книжка никому не известной пожилой дамы, жены миссурийского фермера, вновь родилась, но в этот раз знаменитой.

…Я заболтался. Я вижу, что все давно пишут свои истории. Зажгу свечу. Работайте, пока тень от свечи падает на ваш белый лист.

2. Вести записи, не задумываясь о последствиях…

Это значит понимать, что ты в группе риска. Что послед-

няя твоя книга останется незавершенной.

Разве не знал об этом Бальзак, у которого были проблемы с сердцем, лишний вес, перегрузки за работой и десятки чашек кофе в день? Знал.

«Человеческая комедия» Бальзака состоит из 91 законченного и 46 незаконченных романов.

Если бы он стремился заканчивать начатое, то потратил бы больше времени на те 46 незаконченных, — что-то бы завершил, но тогда законченных романов по итогу было бы значительно меньше 91. Ибо то, что давалось легко, отнимало меньше времени, чем то, что не давалось. У Бальзака есть истории, когда замысел не пошел дальше заголовка.

То есть по итогу Бальзак меньше бы создал произведений.

А вот то, что не идет, — надо откладывать, где-то предчувствуя, что последний роман ты не завершишь. Заметим, это не удалось даже Достоевскому, Кафке и Набокову.

Пушкин едва успел сделать набросок…, всего несколько страниц большого романа «Русский Пелам», не дописал такие вещи, как «Арап Петра Великого», «Дубровский».

Подобные истории случились с Лермонтовым и Чеховым.

Франсуа Рабле так и не успел закончить и опубликовать последнюю часть романа «Гаргантюа и Пантагрюэль». Оноре де Бальзак не дописал роман «Крестьяне». Михаил Булгаков не закончил «Мастера и Маргариту». Рэй Брэдбери — роман «Маски». Романы завершали другие, по черновикам, фрагментам рукописей, а где-то с привлечением фантазии.

А вот еще Стивен Кинг хочет что-то добавить.

«Я не готовлюсь к написанию книг. Не просиживаю в библиотеках, не делаю выписок, ничего нигде не подчеркиваю. Я просто сажусь и пишу гребаные слова. Называйте меня колбасником. Да, я долбаный колбасный писатель. То, что я пишу, — это колбаса. Сел и съел. Я признаю это и не принимаю никаких претензий: ведь я никогда не выдаю свою колбасу за белужью икру».

3. Складывать копилку литературного материала

«Прежде чем вплотную сесть за большую работу, я накапливаю строительный материал — факты, поступки, меткие слова, наброски природы, детали для портретов, мысли. Пока мои действующие лица не начнут действовать в заданной им обстановке, я оборачиваюсь своим заготовленным материалом».

П. А. Павленко

По-разному происходит накопление. У Юрия Олеши роман так и не получился. А другой писатель, скажем, Бабель, сложил роман из рассказов. Гончаров свои заметки после кругосветного путешествия сложил в роман «Фрегат Паллада». Черновики Булгакова усилиями его жены Елены стали романом «Мастер и Маргарита».

Любые записи нужно превращать в жанры. Михаил Светлов на склоне лет начал писать цикл «Взрослые сказки» (они же «Повзрослевшие сказки»). Успел написать только пролог

и часть первой из десяти сказок. Как поздно автор взялся за эту идею!

4. Перечитывать, чтобы вспоминать отдельные факты

И меня успокаивает Ричард Бах, да-да, автор той самой «Чайки по имени…»

Он кое-что написал в своей книжке «Мост через вечность»:

«Записи напоминают. Они помогают мне вспомнить, что я турист на Земле, напоминают мне о тех забавных обычаях, которые здесь бытуют, о том, как мне здесь нравится».

«В конце каждого месяца я перечитываю их, стараюсь услышать то, о чём они говорят мне. Возможно, что некоторые из них выльются в рассказ или книгу, а может быть, и нет».

НАБЛЮДАТЬ, КАК ЧЕХОВ

Михаил Осипович Меньшиков о Чехове:

«Художественная память его была невероятна. Чувствовалось, что он наблюдает постоянно и ненасытно: как фотографические аппараты, его органы чувств мгновенно закрепляли в памяти редкие сцены, выражения, факты, разговоры, краски, звуки, запахи. Нередко в разговоре он вынимал маленькую записную книжку и что-то отмечал: «это нужно запомнить».

Александр Иванович Куприн о Чехове:

«Я не хочу сказать, что он искал, подобно другим писателям, моделей. Но мне думается, что он всюду и всегда видел материал для наблюдений, и выходило у него это поневоле, может быть часто против желания, в силу давно изощренной и никогда не искоренимой привычки вдумываться в людей, анализировать их и обобщать. В этой сокровенной работе было для него, вероятно, все мучение и вся радость вечного бессознательного процесса творчества».

Для чего наблюдал Чехов?

Может, Бунин знает?

«Все выкапывал человеческие мерзости! Противная эта склонность у него, несомненно, была», — скажет о нем Бунин.

ВЕСТИ ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ КАК МАРК ТВЕН, ЧЕХОВ, МОЭМ

Записная книжка Марка Твена, Чехова, Моэма оказалась самой захламленной кладовкой.

Она сообщает о писателе больше, чем он сам мог догадаться.

Вести записную книжку или блокнот — это не то же самое, что вести дневник. Далеко не то же самое. Дневник и блокнот: разные цели, разные записи, и ты в них разный.

В записной ты все собираешь, как Плюшкин. В дневнике отмечаешь события жизни. Делаешь их значительными, как работник сейсмической станции.

Когда я собирал сведения о дневниках писателей, то пришел к этой мысли. Да, эти небольшие листы блокнота терпеливы к твоим каракулям, но и мстительны, — потом я могу разобрать жалкую долю того, что было внесено.

Самодельный блокнот по легенде возник в руках Марка Твена, скрепившего отрывные листки вместе. Марк Твен с молодости развивает привычку «писать на коленке». Будучи репортером нескольких газет, он готовит путевые очерки о пароходном круизе по Европе, Российской империи и Ближнему Востоку.

Далее мастера взялись исполнять заказы на штучное из-

готовление блокнотов, и пошло-поехало. В руках путешественников XIX века можно было увидеть блокноты для записей с переплетом черного цвета из крепкой ткани — молескина.

Интересно, догадывались ли Сартр, Хемингуэй и Пикассо, что их блокноты перекочуют на музейные стенды.

Сегодня я с горечью понимаю, что безвозвратно утрачен блокнотик мамы, который она как-то раскрыла перед моим носом, и там поперек разворота была наклеена широкая полоска бумаги с неразборчивой надписью, сделанной торопливым почерком. Мама сказала, что это записка Беллы Ахмадулиной, написанная маме за ресторанным столиком в московском Доме литераторов на Поварской улице. Дословно не помню, но смысл записки заключался в том, что Белла с мамой, как литератором, трудится на одном поприще.

Записные книжки… Знаю, у писателей есть свои ноу-хау, как максимум выжать для будущего рассказа или романа.

— Томас Вулф. За свою короткую жизнь (умер в 38 лет) он успел написать четыре романа, рассказы и пьесы (он писал по 20—30 тысяч слов ежедневно). Его проза многословна, и основным источником был блокнот, где записана такая фраза: «Жизнь сама по себе и не прекрасна и не ужасна — она попросту подобна огромной волне, перекатывающейся через нас».

— Марк Твен. У меня такое впечатление, что блокнот для автора романов про Тома и Гека, экс-лоцмана на Миссиси-

пи Марка Твена был маленькой редакцией, в которую он заносил прежде всего свой юмор. Ведь газетчиком, наблюдателем повседневной жизни он чувствовал себя более, чем кем-либо другим.

— Вот парочка фраз старика Клеменса, как его называли.

«Сегодня нашелся старый знакомый. Пока еще не было такого места, где я не нашел бы знакомого».

«Если вы в темноте примете свою жену за грабителя и выстрелите, вы ее непременно убьете; если это в самом деле грабитель, промахнетесь наверняка».

— Кстати, аналогичный подход был у Ильи Ильфа, давшего в блокноте описание одного звука: «Низкий, страстный голос унитаза».

— Сомерсет Моэм, пожалуй, как и его коллега по цеху Александр Дюма, был плодовит (78 книг), путешествовал, слыл любителем приключений, тайн и любовных похождений, но в отличие от гедонистически настроенного француза, он был агентом британской разведки, и свою страстность, ранимость и эмоциональность скрывал под маской типичного сухаря-англичанина. Но где-то он должен был быть откровенен. А где, как не в Записных книжках, изданных еще при его жизни, в 1949 году? В своем блокноте писатель философствует с применением изящных метафор, да еще добавляет себе ролей, скажем, философа и художника.

— Ничто так не способствует перемене взглядов, как любовь. Ведь новые взгляды — это в большинстве своем новые

чувства. И возникают они под действием не размышлений, а страсти.

— Художник — одинокий волк. У него свой особый путь. И если стая изгоняет его, ему это во благо.

— О записных книжках А. П. Чехова не знает, наверное, только тот, кто прогуливал школу.

— Чехов создал из записных книжек кладовые для инструментов творчества. В свою первую, «творческую» книжку писатель заносил остроты, шутки, каламбуры, мысли и все, что могло бы пригодиться ему для будущих произведений, но этим не ограничивался. Иной ценитель прекрасного вздрогнет, читая, например, такие мирно соседствующие строки:

«Человечество понимало историю, как ряд битв, потому что до сих пор борьбу считало оно главным в жизни. Приехали в Вену. Stadt Frankfurt. Холодно. Понос».

Вторая и третья книжки — напротив, больше «деловые», но с вкраплениями творческих заметок. Многие из таких записей — что-то вроде костяков будущих произведений, точки, смысловые центры, которые впоследствии «раскручивались» (или так и оставались «лежать») в его рассказах, повестях и пьесах. Например: «Праздновали юбилей скромного человека. Придрались к случаю, чтобы себя показать, похвалить друг друга. И только к концу обеда хватились: юбиляр не был приглашен, забыли». Или: «Он оставил все на добрые дела, чтобы ничего не досталось родственникам и детям, ко-

торых он ненавидел».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.